

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ. ЛАНДШАФТ КАК НАСЛЕДИЕ

УДК: 34/008

Кулешова М.Е.

НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ СОХРАНЕНИЯ КУЛЬТУРНЫХ ЛАНДШАФТОВ РОССИИ¹

Федеральный научно-методический совет
по культурному наследию МК РФ,
Россия, Москва, *kuleshova.o.v@gmail.com*

Аннотация. Статья посвящена изучению культурных ландшафтов как феноменов наследия. Рассмотрены установленные законодательством формы сохранения ландшафтных ценностей. Основное внимание уделено категориям достопримечательного места и зон охраны объектов культурного наследия. Использована проектная документация по ландшафтным объектам наследия из различных регионов.

Ключевые слова: культурный ландшафт; природное и культурное наследие; достопримечательное место; зоны охраны; музей-заповедник; национальный парк; организационная форма охраны наследия; предмет охраны.

Поступила: 05.10.2018

Принята к печати: 19.10.2018

**Kuleshova M.E.
Legislative discourse
of cultural landscapes protection in Russia**

*The Federal Scientific and Methodological Council for Cultural Heritage
of the Ministry of Culture of the Russian Federation,
Russia, Moscow, *kuleshova.o.v@gmail.com**

Abstract. The paper focuses on cultural landscapes as heritage phenomena. It considers the legally established forms of preserving landscape values. The main attention is paid to the categories of places of interest and areas of protection of cultural

¹ © М.Е. Кулешова, 2019

heritage. The paper draws from project documentation on landscape heritage sites from different regions.

Keywords: cultural landscape; natural and cultural heritage; place of interest; protected zones; museum-reserve; national park; forms of heritage protection; heritage protected values.

Received: 05.10.2018

Accepted: 19.10.2018

Введение

С начала 1990-х по начало 2010-х годов в российской науке проводились очень серьезные наследиеведческие исследования культурных ландшафтов – природно-культурных территориальных комплексов, компоненты и элементы которых находятся во взаимосвязи и взаимообусловленности, включая в свой состав материальное и нематериальное, движимое и недвижимое, обладающее формой и относимое к процессам и технологиям [В фокусе наследия, 2017]. В России сформировалось несколько культурно-ландшафтных школ [Исаченко, 2017; Калуцков, 2008; Колбовский, 1999; Лавренова, 2010; Родоман, 2002; Рагулина, 2015], одна из которых, оформившаяся под руководством проф. Ю.А. Веденина в дореформенном Институте Наследия, занималась исследованиями культурных ландшафтов именно в качестве феноменов наследия [Кулешова, Стрелецкий, 2017].

Культурный ландшафт как наследие и культурно-ландшафтный подход в охране наследия – важнейшие составляющие современных наследиеведческих исследований. В первом случае внимание фокусируется на формировании ландшафта под влиянием парадигмы наследия, во втором – на роли ландшафтных взаимосвязей в становлении и существовании отдельных объектов наследия.

Представление о культурных ландшафтах и методах их охраны

Представление о наследии как системе ценностей, сохраняемых, используемых и передаваемых от поколения к поколению, постоянно развивается, поскольку изменяются системы ценностей в человеческих сообществах, условия их бытования и востребуемость. Это относится и к культурным ландшафтам, по-

нятие о которых начало формироваться в начале XX в., будучи введенным в научный оборот немецким географом Отто Шлютером, а в конце века, в 1992 г., оно было включено в Руководящие указания ЮНЕСКО по применению Конвенции о всемирном наследии в качестве категории культурного наследия [Культурный ландшафт... 2004].

Согласно определению ЮНЕСКО (Руководящие указания по применению Конвенции о всемирном наследии, 1992), культурные ландшафты – «совместные творения человека и природы. <...> Они иллюстрируют эволюцию человеческого сообщества и поселений во времени, происходившую под влиянием вынужденных обстоятельств и / или возможностей, заключающихся в окружающей природной среде, а также последующих социальных, экономических и культурных процессов, как внешних, так и внутренних». Близким к этому определению в международных конвенциональных соглашениях стоит формулировка, принятая Советом Европы в рамках Европейской ландшафтной конвенции (2000): «ландшафт означает часть территории, в том смысле как она воспринимается таковой людьми, отличительные черты которой являются результатом действия или взаимодействия природных и / или человеческих факторов». Наконец, из международных документов необходимо отметить «Руководство по управлению 5-й категорией охраняемых территорий», утвержденное Международным союзом охраны природы (2002). Документ посвящен категории охраняемого ландшафта, под которым понимается «область суши, включая примыкающие морские побережья и акватории, где взаимодействие человека и природы с течением времени привело к образованию территории особого характера, представляющей исключительную эстетическую, экологическую и / или культурную ценность и обладающую зачастую высоким биологическим разнообразием». Помимо перечисленного, в Конвенции о нематериальном наследии человечества используется близкое к культурному ландшафту понятие культурных пространств, однако без соответствующих разъяснений. А в Программе ЮНЕСКО «Человек и Биосфера» употребляется понятие зоны сотрудничества для биосферных резерватов, которое, судя по излагаемому контексту, может быть признано вариацией культурных ландшафтов.

Государственной охраной наследия в России занимаются Министерство культуры РФ и Министерство природных ресурсов РФ.

Однако любая отрасль человеческой деятельности обладает своим наследием, имеет право на наследие, а отношение руководства отраслей к такому наследию свидетельствует о культуре управления в целом, которая, к глубокому сожалению, пока не вызывает оптимизма.

В российском законодательстве культурные ландшафты упоминаются трижды: как возможный объект культурного наследия (ст. 3 Федерального закона «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» от 25.06.2002 № 73-ФЗ (далее – ФЗ-73)); как одно из оснований создания особо охраняемых природных территорий (ст. 2 Федерального закона «Об особо охраняемых природных территориях» от 14.03.1995 № 33-ФЗ (далее – ФЗ-33)); как повод для отнесения земель к категории особо ценных (ст. 100 Земельного кодекса РФ). Немаловажное влияние на состояние дел в этой сфере оказывают также нормы Градостроительного (2004) и Земельного кодексов (2001). К теме музеефикации территориальных комплексов наследия непосредственное отношение имеет Федеральный закон «О музейном фонде в Российской Федерации и музеях в Российской Федерации» от 26.05.1996 № 54-ФЗ (далее – ФЗ-54).

Организационно-правовые формы охраны культурных ландшафтов могут быть различны, среди тех, что относятся юридически к учреждениям (ФБГУ, ГУ), основными для охраны культурных ландшафтов являются национальные парки (НП) и музеи-заповедники. Первые относятся к категории особо охраняемых природных территорий и природоохранных учреждений, вторые – к учреждениям культуры, территорией которых признается только переданный им в пользование земельный участок с объектами культурного наследия. Профильная деятельность этих учреждений включает работы по сохранению культурных ландшафтов.

Роль национальных парков в охране культурных ландшафтов

Национальные парки относятся к одной из категорий особо охраняемых природных территорий и выделяются тем, что в их функционал включено сохранение историко-культурных объектов и они всегда (даже когда понятие о культурных ландшафтах отсутствовало в природоохранном законодательстве) были ориенти-

рованы на защиту культурных ценностей ландшафта и формировали свою ландшафтную политику. Яркими примерами тому служат национальные парки Кенозерский и Угра, в менеджмент-планах которых в начале 2000-х годов культурно-ландшафтная политика была разработана и отражена в их функциональном зонировании – важном инструменте планирования и регулирования режимов охраны. Были разработаны программы по сохранению и развитию культурных ландшафтов, все проектные разработки вились и ведутся с учетом их ценности. Важным инструментом регулирования угрожающих ландшафту процессов являются предусмотренные законодательством согласования градостроительной документации на территориях национальных парков, хотя далеко не всегда их руководству хватает мужества, принципиальности и профессионализма, чтобы отстоять интересы наследия перед очередным коррумпированным истеблишментом.

Ценность мирового уровня культурно-ландшафтного комплекса Кенозерского НП – хорошо сохранившихся традиционных крестьянских поселений в сочетании с мозаикой сельскохозяйственных, озерных и лесных угодий, со святыми рощами и уникальными памятниками деревянного зодчества, с глубокими духовными традициями и живым народным искусством – стала основанием работ по номинированию этой территории в Список всемирного наследия [Методика… 2017] по четырем критериям из десяти возможных, установленных для объектов Всемирного наследия¹. Категория объекта – культурный ландшафт. Выдвижение этого объекта – первая инициатива российского правительства по представлению культурных ландшафтов. Из числящихся за Россией 28 объектов всемирного наследия (29-й – Херсонес Таврический), в числе которых 17 – культурное наследие, только российско-

¹ I – шедевр храмового деревянного зодчества с уникальным по численности и сохранности собранием храмовых и часовенных потолочных росписей – небес; III – выдающийся по составу и сохранности архаичный крестьянский ландшафт, место бытования живой реликтовой крестьянской культуры с уникальными ее элементами; V – выдающийся пример традиционного землепользования и обустройства жизненного пространства крестьянских сообществ Русского Севера, сохраняющихся с XVI в. и ставших уязвимыми под влиянием процессов депопуляции и урбанизации; VI – один из ключевых реликтовых центров русского былинного творчества, обогативший мировую фольклористику, место сохраняющихся духовных практик и способов сакрализации пространства.

литовский объект «Куршская коса» был официально отнесен к культурным ландшафтам, но это было сделано исключительно благодаря инициативе Литвы. Херсонес Таврический, который также отнесен к категории культурных ландшафтов, оказался в Списке благодаря инициативе Украины. Ещё два объекта российского Списка – Соловецкий историко-культурный комплекс и исторический центр Санкт-Петербурга с окрестностями – стали признаваться российскими властями культурными ландшафтами только благодаря ЮНЕСКО, настойчивой на этом признании. Будем надеяться, Кенозерский НП откроет собой список российских ландшафтных инициатив, ведь Россия пока еще богата самыми разнообразными культурными ландшафтами и может стать лидером в этой категории, если российское руководство наконец осознает политические бонусы ландшафтного подхода к наследию.

В Кенозерском НП наряду с природоохранными инструментами защиты историко-культурных ландшафтных феноменов, предусмотренных для НП как категории особо охраняемой природной территории, широко используются правовые нормы, предусмотренные законодательством о культуре, а именно уже упомянутым законом об объектах культурного наследия. Это в первую очередь отнесение ценных историко-культурных образований к объектам культурного наследия в установленном законом порядке и установление зон охраны таких объектов. Кенозерский НП – редкий пример грамотного привлечения науки к задачам управления, а также вовлечения местных сообществ в выполнение этих задач (в том числе через образование ТОС – территориального общественного самоуправления).

Достопримечательные места и зоны охраны ОКН: Конвергенция или манипуляция?

Законом предусмотрено три вида объектов культурного наследия (ОКН): памятники, ансамбли и достопримечательные места. Обратим внимание на недавно включенный (с принятием в 2002 г. ФЗ-73) в законодательную практику вид охраняемых объектов – достопримечательные места (ДМ), поскольку к ним законодатель отнес природные и культурные ландшафты, обладающие историко-культурной ценностью (ст. 3 ФЗ-73). Однако отметим, что все

отнесенные законом к ДМ историко-культурные феномены следовало бы рассматривать в качестве культурных ландшафтов – и места традиционных художественных промыслов, и религиозно-исторические места, и фрагменты исторических поселений и застройки, и композиции археологических памятников. Более того, к культурным ландшафтам могут относиться многие ансамблевые объекты, например некоторые дворянские усадьбы или монастырские комплексы. Наконец, любой единичный памятник должен сохраняться в ландшафтном контексте, для чего законодательством предусмотрены три вида зон охраны (1 - охранная, 2 – регулирования застройки и хозяйственной деятельности, 3 – охраны природного ландшафта). Различить, где требуется охрана ландшафтного комплекса, а где – единичного объекта в ландшафтном контексте не всегда просто, и бывает, что приводит к правовым коллизиям, о чем будет сказано далее.

Несовершенство законодательства (а оно в силу изменяющихся условий всегда будет несовершенно) провоцирует правовые невнятности и последующие конфликты. Например, положение об однозначном отнесении территории, занимаемой объектом наследия, к землям историко-культурного назначения (ст. 3 ФЗ-73) очень редко соответствует действительности, а во многих случаях послужило источником ущербного проектирования. Или положение об образовании историко-культурных заповедников, которым посвящена целая глава закона (гл. XI, ст. 57–58 ФЗ-73), за отсутствием правового наполнения этого понятия стало правовым фантомом и дискредитирует закон. Или отсутствие определенности в отношении выделяемых законом исторических поселений (гл. XII, ст. 59–60 ФЗ-73) – если это объекты культурного наследия, то они должны быть включены в видовой состав таких объектов, но этого не сделано, тогда что же это такое? Перечень правовых несуразностей можно продолжить, но мы остановимся на соотношении достопримечательных мест и зон охраны, как на наиболее злободневной теме, вызывающей бурные дискуссии, вплоть до императива «достопримечательные места – инструменты разрушения объектов культурного наследия».

Наблюдая за процессами правоприменения категории ДМ в течение последних 15 лет, принимая участие в проектировании, консультировании, экспертизе, публичных обсуждениях, касающихся изучения, установления, создания всех обозначенных форм

территориальной охраны, автор считает уместным сделать некоторые заключения.

До 2007 г. ни один объект культурного наследия не был отнесен к достопримечательным местам. «Первыми ласточками» стала серия достопримечательных мест из «Страны городов» во главе с Аркаимом (Челябинская обл.), затем – луга вокруг Суздаля (Владимирская обл.). За прошедшие 10 лет взяты на охрану многие десятки достопримечательных мест, однако опыт их учреждения весьма неоднозначен. Большинство концептуальных конфликтов возникает на почве преобразования зон охраны в достопримечательные места. Типичные примеры – Радонеж (окрестности Сергиева Посада) и Константиново (Есенинская Русь). Есть вопиющий пример манипулирования статусом ДМ для урезания территории ансамбля и ослабления режима зон охраны – подмосковная усадьба Ахангельское, но это не типичная ситуация, а редкостное хулиганство федерального министерства, исполняющего заказы коррумпированных олигархов.

Памятники и ансамбли имеют несравнимо с ДМ более жесткие нормы правовой защиты, и манипулирование ими при организации ДМ подвергает их откровенной угрозе. С другой стороны, образование ДМ явно предпочтительнее установления зон охраны объектов наследия, когда целостный ландшафтный комплекс представляет историко-культурную ценность, а не только совокупность неких объектов в определенном ландшафтном контексте. Наконец, ДМ – единственная полноценная форма охраны крупных территориальных комплексов, для которых невозможно ограничиться регулятивами, применяемыми для памятников и ансамблей, исключающими новое строительство и другие преобразующие формы активности, возможные для ДМ при определенных ограничениях и обременениях.

По процедурам установления режимных ограничений и градостроительных регламентов ДМ и зоны охраны очень похожи, на них распространяется действие градостроительного законодательства. В обоих случаях проводится зонирование и выделяются регламентные участки различной степени строгости. Однако ДМ – это объект культурного наследия, выявляемый и вносимый в государственный реестр, защищаемый законом в качестве самодостаточного феномена наследия. Зоны охраны – всего лишь «защитный пояс» некоего объекта – утверждаются на уровне субъектов

федерации (за исключением зон охраны объектов всемирного наследия и особо ценных ОКН народов РФ), корректируются на основании нового проекта и новой экспертизы, если вдруг начинают мешать очередному инвестору или застройщику. Зоны охраны – всего лишь фон объекта культурного наследия, среда бытования, обрамление. Но что самое главное, функция зон охраны ограничивается защитой объекта, а функция ДМ – не только защищать историко-культурную ценность всего территориального комплекса, но представлять, интерпретировать, вводить в культурный оборот, способствовать просвещению российских граждан, что непосредственно связано с темой музеефикации. Тем не менее практика разработки и утверждения зон охраны показывает, что по факту они играют большую роль в защите территориальных комплексов наследия, являясь своеобразным паллиативом при отсутствии иных форм охраны обширных территорий.

Система «доказательств» апологетов применения исключительно зон охраны опирается на опыт двух скандально известных уже упомянутых примеров – Радонежа и Константинона. Но детальное рассмотрение проектной документации по этим территориям показывает, что в обоих случаях дело не в ущербности ДМ как формы охраны, а в исполнителях проектов, которые, часто под внешним давлением, идут на поводу у очередных финансово-политических элит и выполняют очередной их заказ, отдавая под новую застройку лучшие фрагменты уникальных исторических территорий. Помимо внешнего давления существует и собственный взгляд проектировщиков на мироустройство, среди них преобладают градостроители, которые одной рукой чертят генпланы, а другой – зоны охраны или ДМ, притом идеологически в градостроительной отрасли «реформаторы» довлеют над «консерваторами». Сказанное полностью относится к Радонежу, родине преподобного Сергия Радонежского, где некомпетентность / ангажированность проектировщиков вкупе с соглашательской позицией Министерства культуры РФ создали угрозу масштабного строительства на бывших сельскохозяйственных угодьях, остановленную исключительно усилиями научной общественности и наличием предшествующих зон охраны. Девальвация статуса ДМ произошла вследствие некомпетентного исполнения управленческой задачи. Совсем другая ситуация наблюдалась в Константинона, на родине Сергея Есенина, где, так же как и в Радонеже, были установлены, но массово нару-

шались зоны охраны (была допущена диссонирующая застройка в самом Константиново), однако даже и они были отменены простым незаконным решением губернатора. Пока краеведческая и научная общественность оспаривала это противоправное действие – десятки и сотни гектаров раздавались под застройку местной «элите», исторический ландшафт Окской долины «прорастал» чудовищными замками, крепостными оградами, прочей архитектурной бездарностью. Губернаторское решение наконец было оспорено, но земли вернуть так и не удалось. В то же время был разработан проект достопримечательного места – с ландшафтно-обоснованными обширными границами, достойным историко-культурным опорным планом, богатой аналитикой, детальным предметом охраны, но диссонирующими со всей этой обосновывающей базой итогами, зафиксированными в предлагаемых регламентах и режимах. Они во многих случаях узаконивали застройку там, где пространство пока еще открыто и хранит воспетый Есениным пейзаж. Они дублировали разработанные генпланы поселений вместо того, чтобы задать им ограничения и направить развитие территории по щадящему для ландшафта пути – ведь она признана достопримечательной, она есть объект культурного наследия народов РФ и это должно быть ее первостепенное назначение. Достопримечательное место – наиболее адекватная форма охраны такой обширной территории от Константиново до Солотчи и Рыбного, но ее учреждение должно исходить из приоритетов охраны наследия, а не из перманентного пожирания пространства, по недоумию называемого «развитием». Развитие для ДМ – это сохранение и использование всей совокупности ценностей культурного ландшафта.

Из вышеобозначенного вытекает одно очень интересное следствие и очень большая проблема в практике охраны крупных историко-культурных территорий: проектные разработки как ДМ, так и зон охраны буквально калькируют генпланы – как действующие, так и находящиеся в процессе согласований и утверждений. Согласно закону должно наблюдаться обратное – охрана наследия должна накладывать ограничения на планируемое градостроительное развитие, тем более в границах достопримечательных мест – объектов наследия. На заседаниях Научно-методического совета Минкультуры РФ по охране культурного наследия и в заключениях историко-культурной экспертизы регулярно рассматриваются такие случаи. Из недавно рассмотренных к таким относятся проект ДМ

для Колтушской возвышенности в окрестностях Петербурга (Институт физиологии им. И.П. Павлова), а также проект зон охраны усадьбы Остров в Подмосковье, проект зон охраны Ферапонтова монастыря (объект Всемирного наследия) в Вологодской области, проект зон охраны усадьбы Богородское-Красково в Московской области и т.д.

Ансамбль Института физиологии им. И.П. Павлова, расположенный в 20 км восточнее Санкт-Петербурга, находится в красивейшем ландшафте камовых всхолмлений, на высоких отметках рельефа, откуда просматривается город и открываются далекие перспективы благодаря открытости пространства, занятого преимущественно сельхозугодьями и псаммофитными травянистыми сообществами. Вместо нуждающихся в доработке зон охраны здесь намечено создание ДМ – вполне возможное решение, если рассматривать ландшафтные ценности Колтушской возвышенности в совокупности с историко-культурными ценностями Института физиологии. Однако в предмете охраны эти ландшафтные ценности представлены очень сумбурно и в результате пятна новой застройки, предусмотренные режимами и регламентами объекта наследия (что само по себе абсурдно!), грозят обезобразить ландшафт, поскольку копируют генплан без критической его оценки.

Для ансамбля Ферапонтова монастыря в 2017 г. утверждены зоны охраны, в то время как этот территориальный комплекс, несомненно, представляет выдающуюся культурно-ландшафтную ценность и для него логично устанавливать ДМ в более широких границах, включая ближайшие исторические монастыри и деревни, которые образуют уникальный по насыщенности монастырско-крестьянский ландшафт. Правовая защита отчасти обеспечивается созданным здесь национальным парком «Русский Север», но в данном конкретном случае требуются дополнительные инструменты профильной защиты этой Северной Фиваиды. Тем более что утвержденная в составе зон охраны зона регулирования застройки и хозяйственной деятельности в своих режимах и регламентах допустила возможность массированного коттеджного строительства на пока еще открытых сельских лугово-полевых угодьях в соответствии с ранее принятыми документами Генплана, что прошло согласование Минкультуры РФ (предусмотренное для зон охраны объектов Всемирного наследия), но грозит утратой не только аутентичного ландшафтного контекста объекта Всемирного

наследия, но и утратой предметной ценности наследия уникального культурного ландшафта.

Зоны охраны, разработанные в 2017 г. с положительным заключением историко-культурной экспертизы для усадьбы «Остров» (Московская область), просто скальковали преступный генплан, поместив зону регулирования застройки и хозяйственной деятельности в луговую пойму Москвы-реки с разрешением там высотного и коммерческого строительства, тем самым уничтожая саму ландшафтную сцену – на уступе коренного берега стоит, парит над местностью великолепный шатровый храм Преображения Господня. С ним на противоположных берегах реки перекликаются ансамбль Николо-Угрешского монастыря и усадьбы Петровское с храмами Никольским и Петра и Павла, образуя своеобразный сакральный треугольник. Здесь уместно сделать совмещенные охранные зоны всех трех объектов, но исполнено было то, что требовалось потенциальному застройщику, – это типичная ситуация при разработке зон охраны. Обращает на себя внимание опасная тенденция освоения под застройку пойм рек, что для зон охраны и ДМ в принципе должно быть исключено, особенно в Московском регионе. Ведь сама луговая пойма становится уже редкостью, а для архитектурных памятников она выполняет важнейшие контекстные функции, эти ансамбли создавались с учетом открытости визуального бассейна от реки.

Застройка поймы грозит и окрестностям усадьбы Богородское-Красково (Московская область), для которой разработан в очередной версии и получил положительное заключение историко-культурной экспертизы проект зон охраны. Это долина реки Пехорки, для которой в «лихие» 90-е принимались решения о создании особо охраняемой природной территории, а теперь принимаются решения о строительстве жилых кварталов в пойме и строительстве хордовых дорог, многократно секущих изящные меандры реки прямо «под носом» у усадьбы – объекта культурного наследия. Территория объекта, утвержденная в 2008 г., была определена с грубыми ошибками, ряд элементов усадьбы в территорию объекта наследия не вошел, но они оказались в зонах охраны. Так, территория водно-лугового парка, прилегающая с севера к регулярному парку, отнесененному к усадебному ансамблю, была намечена под зону охраняемого природного ландшафта, но впоследствии редуцирована с заменой на зону регулирования застройки, от которой постепенно стали

«отгрызать» кусок за куском – под бензоколонку, под склад, под магазин и т.д. Часть сохранившихся пойменных территорий, прилегавших к регулярному парку с юга, в первоначальных версиях проекта зон охраны определялись как зона охраняемого ландшафта, но теперь она трансформировалась в зону регулирования застройки... Это хорошо иллюстрирует изменение ценностных ориентиров в системах оценки одного и того же ландшафтного пространства с небольшим разрывом во времени. Развитие? – Нет, деградация. Вкупе с маргинализацией населения, которое активно потребляет рекреационный ресурс ландшафта, но не может защитить его под натиском разнузданного присвоения земель мелкими бизнес-структурами.

Совершенно очевидно, что для сложных комплексных территорий закон не может регулировать каждое проектное решение исполнителя, многое зависит от его профессиональной честности и отчасти может быть откорректировано при последующих экспертных обсуждениях проекта. Есть примеры, когда исполнитель совершенно не понимает (не хочет понимать) ландшафтного содержания и смысла установления ДМ или зон охраны. То же касается и государственных экспертов, среди которых нередко выбираются те, которые всегда дадут положительное заключение на любой проект. Очевиден этико-нравственный кризис, захвативший государственную историко-культурную экспертизу. Так, например, получивший положительное заключение экспертизы, но рассмотренный и отклоненный НМС Минкультуры РФ под занавес 2017 года проект ДМ «Река Нева и судоходные каналы в границах Шлиссельбурга» на большей части протяженности реки исключил ее долинные ландшафты, ограничившись несколькими метрами прибрежной полосы, в то время как основная проблема этой территории – именно в неуправляемой застройке речных берегов и образ восприятия реки формируется в целостности с ее долинными ландшафтами.

Принципиальное отличие ДМ от зон охраны – обязательность выявления и утверждения для объектов культурного наследия, к которым относится ДМ, предмета охраны, а именно тех свойств и качеств объекта, которые не могут быть нарушены или изменены. Режимы и градостроительные регламенты для ДМ должны быть производными предмета охраны. Понятие о предмете охраны было введено в обиход только в 2002 г. с принятием ФЗ-73 и первоначально вызывало большие затруднения у проекти-

ровщиков ДМ, особенно у градостроителей, а недостатки любого проекта легко считывались именно по степени убогости состава предмета охраны. Однако в последние годы с появлением ряда эталонных разработок ситуация изменилась, авторы проектов ДМ научились пространным описаниям предмета охраны, либо пространным заимствованиям из других проектов, поэтому состав предмета охраны уже не всегда может служить индикатором качества. На смену некомпетентности пришла другая угроза – формальное признание требуемого предмета охраны и одновременно осознанное навязывание режимов и регламентов, с предметом охраны не корреспондирующих. Вероятно, в этой связи непомерно увеличились объемы проектной документации, в многотомье которой уже сложнее вычленить главное и обнаружить противоречия.

Подводя итог вопросу соотношения рассмотренных категорий – ДМ и зон охраны, необходимо подчеркнуть, что в каждом конкретном случае предпочтение должно отдаваться той форме охраны, которая более подходит для сохранения и публичного представления выявленной предметной ценности того или иного территориального комплекса наследия. Необходимо дальнейшее совершенствование законодательства в этой сфере, сама история формирования которого складывалась весьма непросто. Противники ДМ в своей аргументации указывают, что устанавливаемые для них режимы и регламенты могут быть легко изменены внутренним решением госорганов охраны наследия, которым явно доверять не стоит и этот факт нельзя отрицать. Только вывод из этого следует сделать другой – любые такие изменения должны открыто обсуждаться и проходить историко-культурную экспертизу, а государственные эксперты должны получать свой статус не по прихоти чиновничьего аппарата, а по решению признанных авторитетных специалистов, и эти позиции надо вводить в законодательство, чтобы меньше было правовых «лазеек» для недобросовестных исполнителей и заказчиков проектов.

Музеи-заповедники – ведущая форма сохранения культурного ландшафта России

Интересна история взаимоотношений достопримечательных мест и музеев-заповедников. В быстро сменившемся правовом поле

введение категории ДМ буквально спасло многие музеи-заповедники от разорения их культурных ландшафтов. Большинство действующих музеев-заповедников были вынуждены способствовать у становлению достопримечательных мест в границах своих бывших территорий и зон охраны, оказавшись в глубоком правовом вакууме после принятия, как это ни парадоксально, основного закона – «Об объектах культурного наследия...» в 2002 г. Создание и функционирование музеев-заповедников длительное время регулировались правительственные постановлениями и индивидуальными положениями, которые позволяли рассматривать их (вкупе с их зонами охраны) как разновидность охраняемых территорий. Так, например, Соловецкий музей-заповедник контролировал весь архипелаг, музеи-заповедники Бородинский, Поленово, Михайловское, Ясная Поляна и многие другие – ближайшие окрестности с их поселениями на многих тысячах гектар. При разработке ФЗ-73 в Комитет Государственной Думы по культуре неоднократно поступали настойчивые предложения включить в закон категорию музеев-заповедников, но законодатель эти предложения отклонил на том основании, что музей-заповедник – это учреждение, а не объект культурного наследия, в то время как закон ФЗ-73 регулирует отношения только по поводу объектов культурного наследия. На наш взгляд, позиция совершенно необоснованная, демонстрирующая принципы двойных стандартов и приведшая к весьма печальным последствиям [Кулешова, Веденин, 2009].

Законодатель ввел понятие ДМ и историко-культурных заповедников (ИКЗ), не утруждая себя изначально наполнением их правового содержания, ИКЗ и по сей день остаются правовым ребусом в практике законоприменения. Закон фиксирует, что особо выдающееся ДМ может быть отнесено к ИКЗ (ст. 57 ФЗ-73), а если в нем окажутся музеиные предметы и ценности, то его содержание регулируется также и ФЗ-54. А далее поступили разъяснения, что музеи-заповедники могут создаваться только на базе ИКЗ, которые в свою очередь образованы из ДМ – таков был глубокомысленный итог законотворческой работы в 2002 г. Поэтому таким сложным путем создавался музей-заповедник «Аркаим» (Челябинская обл.), в чем принимала участие и автор. Но создать по тому же сценарию музей-заповедник в пришвинском Дунино в Подмосковье не удалось.

Действующие музеи-заповедники оказались в начале 2000-х в правовой лакуне, их упоминание было изъято из земельного и градостроительного законодательства, их право контролировать культурно-ландшафтную среду было подвергнуто сомнению, и началась галопирующая застройка ранее охраняемых территорий, причем зоны охраны этот процесс сдержать не смогли (содержащиеся в них правовые нормы на тот момент устарели и потребовались специальные разъяснения государственных органов охраны, чтобы затормозить этот «разбой»). Застраивались Бородинское поле, окрестности пушкинского Михайловского, Ясная Поляна, Константиново и многие другие территории, воспринимавшиеся в обыденном сознании как музеи-заповедники, но не имевшие на то юридического права.

Только в 2011 г. (!) удалось ввести эту категорию в относительно благопристойное правовое русло, благодаря многочисленным обращениям руководства музеев-заповедников к органам власти в закон № 54-ФЗ «О музейном фонде и музеях...» была добавлена маленькая, но важная статья 26.1 «Музеи-заповедники». Она подтверждает, что музеи-заповедники являются учреждениями культуры, но при этом им предоставляются в пользование «земельные участки с расположенным на них достопримечательными местами, отнесенными к историко-культурным заповедникам, или ансамблями», а также иные участки, которые законодатель поименовал «территорией музея-заповедника». Однако данная правовая норма означает, что территорией музея-заповедника не могут называться земельные участки, находящиеся в пользовании и собственности иных лиц, но находящиеся в соседстве с территорией музея-заповедника и формирующие с ним целостный ландшафтный комплекс, как это наблюдается у национальных и природных парков. Часть музеев-заповедников, имевших в пользовании обширные земельные участки, как Куликово поле, Поленово, Ясная Поляна, Михайловское, оказались в относительно благоприятной правовой ситуации. Другие, таковых участков в установленном законом пользовании не имевшие или имевшие более чем скромно, например Бородинское поле, оказались в сложном положении. Законодатель, полагаем, запутал сам себя и возложил многосложную «бюрократическую пирамиду» на музеи-заповедники, вместо того чтобы пойти по логическому пути, указанному законодательством об особо охраняемых природных территориях. Отсюда по-

нятно, почему для музеев-заповедников с окрестностями массово стали устанавливаться ДМ, к предпроектному обоснованию которых и консультированию автор имела некоторое отношение. Из крупных и наиболее проблемных музеев-заповедников только Соловецкий пока не удостоился этого статуса, хотя весь архипелаг отнесен к объектам Всемирного наследия с 1992 г. [Кулемшова, 2017]. Соловецкий архипелаг оказался заложником конфликта интересов. Этот возрождающийся религиозный центр стал привлекательным для бизнеса и финансовых махинаций, что типично для многих культурных центров. Но особенно интересно то, что на фоне массированных разработок симулирующей цели охраны наследия документации (правительственного, ведомственного, областного уровней) возрастают угрозы наследию, наблюдается девелопментский захват архипелага, происходит перевод земель гослесфонда в земли поселений, уродливая новая архитектура агрессивно наступает на историческую ткань монастырского поселения, утрачиваются мемориальные ценности, свидетельствующие о трагедии ГУЛАГа.

Соловецкий архипелаг – пример культурного ландшафта, в котором важную, равноценную с зодчеством роль играет природная составляющая – как отдельные биоценозы и популяции, так и сформированные человеческой деятельностью комплексы, как например озерно-канальные системы. Не случайно, что первоначальная заявка в ЮНЕСКО претендовала на природно-культурную, смешанную номинацию, а тема создания здесь национального парка или заказника при наличии музея-заповедника и монастыря не исчерпана по сей день. Природные ценности нередко относятся к числу ведущих на историко-культурных территориях и требуют дополнительных средств защиты. Так, окрестности Яснополянской усадьбы, известного музея-заповедника, отнесенные к ДМ, включают в границы ДМ также и памятники природы (одна из категорий ООПТ) – ведь известно, какую роль играла природа в творчестве Л.Н. Толстого и как он влиял на формирование природных комплексов Ясной Поляны. Музей-заповедник «Куликово поле» предпринимал попытку создать природный заказник, но дело ограничилось учреждением ДМ. Здесь реализовали уникальный проект – восстановили палеоландшафт: участок Дикого поля (с помощью посадок ковылей и иных степных видов флоры), а также Зелёную дубраву, место укрытия Засадного полка (с помощью ле-

сопосадок) на месте бывших сельскохозяйственных полей. Статус ДМ стал защитой и для уникальных по биоразнообразию меловых степных комплексов и меловых останцов Дивногорья, где благодаря деятельности музея-заповедника сохраняется палеоландшафт, пещерные храмы и древние городища. А вот легендарное озеро Светлояр с селом Владимирским было отнесено к ДМ в дополнение к природному парку, правовые возможности которого были недостаточны для защиты историко-культурной ценности этого своеобразного сакрально-мифологического объекта – ассоциативного культурного ландшафта. Для всех перечисленных здесь ДМ была разработана великолепная проектная документация, которую с полной ответственностью можно назвать эталонной.

Заключение

Территориальные формы охраны культурного ландшафта могут быть различны и их сочетание может обеспечить лучший эффект. Иногда в сочетаниях рождается новое качество. Так, музей-заповедник – не просто сложенные вместе музей и историко-культурный заповедник, а по факту – гораздо большее, это прямой аналог национальному парку – одной из категорий особо охраняемых природных территорий. Данная организационно-правовая форма призвана обеспечить аутентичность (историческую подлинность) среды нахождения как отдельных памятников, так и аутентичность всего культурного ландшафта с его лесами, полями, дорогами, поселениями, реками, мостами, дворцами, усадьбами и пр. Всё это будут главные музейные экспонаты, образующие основную музейную экспозицию, а не только и не столько принадлежащие подобному музею фонды, как принято в музейных учреждениях. Территория музея-заповедника – центр деятельности, которая базируется на ресурсах культурного наследия, причем к наследию здесь относятся не одни памятники, но также и исторические традиции, технологии, формы природопользования, формы сакрализации пространства, природные комплексы – все, что образует историко-культурную среду и ландшафт. Аналогично в национальных парках ресурсы наследия составляют как природные, так и культурные феномены, культурные ландшафты, введение которых в культурный оборот предполагает развитие специфиче-

ских видов деятельности – научной, просветительской, туристской. Однако для объектов культурного наследия закон требует проведения их целевой идентификации – в статусе памятников, ансамблей, достопримечательных мест, исторических поселений.

Чтобы мы смогли сохранить не только следы, фрагменты и воспоминания о культурном и историческом богатстве России, но сохранить само это богатство во всем его культурном разнообразии, развитии и значении в современной жизни, необходимо развивать и поддерживать организационные формы территориальной охраны наследия, рассмотренные выше. Но любая правовая форма может быть девальвирована или превратиться в симулякр, если профессиональное сообщество защитников и исследователей наследия будет окончательно лишено своей стратегической роли и перемещено на место обслуживающего бюрократические институции персонала.

Список литературы

1. В фокусе наследия: Сборник статей, посвященный 80-летию Ю.А. Веденина и 25-летию создания Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачёва / сост., отв. ред. М.Е. Кулешова. – М.: Институт географии РАН, 2017. – 688 с.
2. Исаченко Г.А. Опыт интерпретации изменений культурного ландшафта с позиций динамического ландшафтования // Известия РАН. Сер. геогр. – М., 2017. – № 1. – С. 20–34.
3. Калуцков В.Н. Ландшафт в культурной географии. – М.: Новый Хронограф, 2008. – 320 с.
4. Колбовский Е.Ю. Культурный ландшафт и экологическая организация территории регионов: Дис. ... д-ра геогр. наук. – Ярославль, 1999. – 395 с.
5. Кулешова М.Е. Правовые особенности охраны наследия и основные проблемы законодательства в этой сфере // Сельские культурные ландшафты: рекомендации по сохранению и использованию. – М.: Экоцентр «Заповедники», 2013. – С. 41–52.
6. Кулешова М.Е. Концепция культурного ландшафта для целей охраны наследия и оценки управленческих решений. Соловецкий архипелаг // Полярные чтения на ледоколе «Красин» – 2016. Культурное наследие в Арктике: вопросы изучения, сохранения и популяризации: Материалы науч. конф. СПб. 28–29 апр. 2016 г. – М.: Паулсен, 2017. – С. 115–128.

7. Кулешова М.Е., Веденин Ю.А. Правовое обеспечение сохранения и использования культурного и природного наследия в России // Право и культура: монография / Под общ. ред. В.К. Егорова, Ю.А. Тихомирова, О.Н. Астафьевой. – М.: Изд-во РАГС, 2009. – С. 361–390.
8. Кулешова М.Е., Стрелецкий В.Н. Формирование и эволюция представлений о культурном ландшафте // В фокусе наследия: Сб. статей, посвященный 80-летию Ю.А. Веденина и 25-летию создания Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачёва. – М.: Институт географии РАН, 2017. – С. 313–329.
9. Культурный ландшафт как объект наследия / под ред. Ю.А. Веденина, М.Е. Кулешовой. – М.: Институт наследия; СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. – 620 с.
10. Лавренова О.А. Пространства и смыслы: семантика культурного ландшафта. – М.: Институт Наследия, 2010. – 330 с.
11. Методика составления номинационного досье культурного ландшафта на примере «Заповеданного Кенозерья», заявленного от России в Список всемирного наследия / Веденин Ю.А., Веденникова Н.М., Колбовский Е.Ю., Кулешова М.Е., Максаковский Н.В. // Кенозерские чтения – 2016: «Деревянная архитектура в культурном ландшафте: вызовы современности»: Сб. материалов VIII Междунар. научно-практ. конф. / сост. М.Н. Мелютина; отв. ред. Е.Ф. Шатковская; ФГБУ «Национальный парк “Кенозерский”». – Архангельск, 2017. – С. 145–155.
12. Рагулина М.В. Культурный ландшафт: интегральный взгляд. – Ульяновск: Зебра, 2015. – 147 с.
13. Родоман Б.Б. Поляризованный биосфера: Сборник статей. – Смоленск: Ойкумена, 2002. – 336 с.

References

1. V fokuse naslediya. Sbornik statej, posvyashhyonnyj 80-letiyu YU.A. Vedenina i 25-letiyu sozdaniya Rossijskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta kul'turnogo i prirodnogo naslediya imeni D.S. Likhachyova / sost., otv. red. M.E. Kuleshova. – M.: Institut geografii RAN, 2017. – 688 s.
2. Isachenko G.A. Opyt interpretatsii izmenenij kul'turnogo landshafta s pozitsij dinamicheskogo landshaftovedeniya // Izvestiya RAN, seriya geograficheskaya, 2017. – № 1. – S. 20–34.
3. Kalutskov V.N. Landshaft v kul'turnoj geografii. – M.: Novyj Khronograf, 2008. – 320 s.

4. *Kolbovskij E. Yu. Kul'turnyj landshaft i ekologicheskaya organizatsiya territorii regionov. Dis. na soisk uch. st d.g.n. – Yaroslavl', 1999. – 395 s.*
5. *Kuleshova M.E. Pravovye osobennosti okhrany naslediya i osnovnye problemy zakonodatel'stva v ehto sfere // Sel'skie kul'turnye landshafty: rekomendatsii po sokhraneniyu i ispol'zovaniyu. – M.: EhkoTsentr «Zapovedniki», 2013. – S. 41–52.*
6. *Kuleshova M.E. Kontseptsiya kul'turnogo landshafta dlya tselej okhrany naslediya i otsenki upravlencheskikh reshenij. Solovetskij arkipelag // Polyarnye chteniya na ledokole «Krasin» – 2016. Kul'turnoe nasledie v Arktike: voprosy izucheniya, sokhraneniya i populyarizatsii. Mat-ly nauch. konf. SPb. 28–29 apr. 2016 g. – M.: Izd-vo «Paulsen», 2017. – S. 115–128.*
7. *Kuleshova M.E., Vedenin Yu.A. Pravovoe obespechenie sokhraneniya i ispol'zovaniya kul'turnogo i prirodnogo naslediya v Rossii // Pravo i kul'tura: monografiya / pod obshch. red. V.K. Egorova, Yu.A. Tihomirova, O.N. Astafevoj. – M.: Izd-vo RAGS, 2009. – S. 361–390.*
8. *Kuleshova M.E., Strelets'kij V.N. Formirovanie i evolyutsiya predstavlenij o kul'turnom landshafte // V fokuse naslediya. Sbornik statej, posvyashchennyj 80-letiyu Yu.A. Vedenina i 25-letiyu sozdaniya Rossiskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta kul'turnogo i prirodnogo naslediya imeni D.S. Likhachyova. – M.: Institut geografii RAN, 2017. – S. 313–329.*
9. *Kul'turnyj landshaft kak ob'ekt naslediya / pod. red. Yu.A. Vedenina, M.E. Kuleshovoj. – M.: Institut naslediya; SPb.: Dmitrij Bulanin, 2004. – 620 s.*
10. *Lavrenova O.A. Prostranstva i smysly: semantika kul'turnogo landshafta. – M.: Institut Naslediya, 2010. – 330 s.*
11. *Metodika sostavleniya nominatsionnogo dos'e kul'turnogo landshafta na primere «Zapovedannogo Kenozer'ya», zayavленного от России в Список всемирного наследия / Vedenin Yu.A., Vedernikova N.M., Kolbovskij E.YU., Kuleshova M.E., Mak-sakovskij N.V. // Kenozerskie chteniya – 2016: «Derevyannaya arkhitektura v kul'turnom landshafte: vyzovy sovremennosti»: Sbornik m-ov VIII Mezhdunar. nauchno-prakt. konf. / sost. M.N. Melyutina; otv. red. E.F. Shatkovskaya; FGBU «Natsional'nyj park “Kenozerskij”». – Arkhangel'sk, 2017. – S. 145–155.*
12. *Ragulina M.V. Kul'turnyj landshaft: integral'nyj vzglyad. – Ul'yanovsk: Zebra, 2015. – 147 s.*
13. *Rodoman B.B. Poliarizovannaya biosfera: Sbornik statej. – Smolensk: Ojkumena, 2002. – 336 s.*